РАЗДЕЛ 1. ОНТОЛОГИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

А.Л. Анисин, к.ф.н.
(ТЮИ МВД России)

СУЩНОСТЬ ВЛАСТИ

Именно бытие сущего и его сущность, а не его состав и природа есть фундаментальная проблема философской мысли и ее отправная точка. Вырастая отсюда, рождаясь как мысль о бытии и сущности и сохраняя связь с этим своим началом, философия способна говорить о чем-либо, то есть выносить свое слово и о составе, и о природе сущего. И если философия вообще бывает способна мыслить и мир, и вещь, и событие бытия таким образом, чтобы выполнять свое предназначение, то только в том случае, когда ее слово и ее мысль вырастают из этой онтологической завязи. Только в той мысли, появление которой оплодотворено бытийным вопрошанием, могут оказаться завязанными основания подлинного осмысления проблем человеческого существования. Позитивизм и феноменология, экзистенциализм и структурализм (ныне, видимо, все уже с приставкой «пост») пытаются в разные стороны отойти от этого первоначала философии и в большей или меньшей степени рвут с ним связь, подрывая тем самым для себя возможность "родить" собственную сущностную мысль. Призывы Хайдеггера вспомнить забытое так и остались "гласом вопиющего в пустыне". И этот образ не случаен: Хайдеггер сам себя видел именно как предтечу будущей Мысли: "Меня начнут понимать лет через триста". Вопрос о бытии уходит из философии, и это, конечно, выражение ее упадка: человек не чувствует более потребности в онтологическом, сущностном мышлении, в приобщении к вечной Истине, довольствуясь прикладным know how. И речь даже не о "массовом человеке", который во все времена не был особенно "алчущим и жаждущим правды", речь об интеллектуальной, "духовной" элите общества, о тех, кто считается ныне и сам себя мнит интеллектуальной и духовной элитой, - их мысль измельчала и "осуетилась". Это нельзя отнести к каждому, но это можно сказать обо всех.

Особенно же это измельчание и потеря бытийственного горизонта заметна в общественной мысли. И здесь опять-таки речь не столько о социологии, политологии, экономической науке, которые эмпиричны по самой своей сути, а потому в некотором отношении вполне оправданно держатся "твердой почвы" фактически данной действительности и мыслят под "надежным руководством" практических запросов этой наличной действительности. Самое главное, что и социально-философские построения, претендующие на раскрытие неких глубинных сущностных основ общественной жизни, как правило, демонстрируют в XX веке худшие варианты ползучего эмпиризма, грубой феноменологии, абстрактного структурализма и функционализма, плоского позитивизма и прагматизма. Не то чтобы в современной (XX века) философии вообще отсутствовали попытки сущностного мышления об обществе и государстве, однако они достаточно редки, причем предпринимают их главным образом русские мыслители. Подробный анализ путей, степени и характера разработки по-настоящему глубокой философии общества в отечественной мыслительной традиции не входит сейчас в наши задачи, назовем лишь некоторые наиболее значимые вехи: Алексей Степанович Хомяков и вообще славянофилы, Владимир Сергеевич Соловьев, Семен Людвигович Франк, Лев Александрович Тихомиров, Иван Александрович Ильин, Павел Иванович Новгородцев. Предлагаемое исследование в немалой степени, хотя и не всегда впрямую, опирается на эту отечественную традицию социально-философской мысли.

Основополагающей темой для философского осмысления общества является ВЛАСТЬ - выяснение онтологического статуса и смысла власти необходимым образом составляет здесь главную проблему философии. И именно на примере этой темы хорошо видна подмена сущностного мышления, отправляющегося от онтологии, теми эмпирически-прикладными построениями, которые образуют, как правило, содержание современного обществознания. Фундаментальный характер темы власти для социальной мысли Запад продолжает сознавать, и свидетельством тому имеющиеся в западной традиции многочисленные исследования и концептуализации властных феноменов, однако по-настоящему охватить и понять эту тему в ее онтологическом размахе Запад, очевидно, не способен, как, очевидно, не способен он осилить и тему свободы, и тему личности, и тему соборности, то есть как раз наиболее глубокие онтологические основания человека и наиболее значимые события человеческого бытия.

В свое время Лев Платонович Карсавин выражал глубокое сочувствие своим западным коллегам по поводу того, что они вынуждены, говоря о личности, пользоваться словом "харя" (имеется в виду буквальный смысл слова persona: театральная маска). Действительно, о какой глубине мысли в этом случае может идти речь?!

Нечто похожее мы имеем и со словом "власть". В греческом языке существовало весьма глубокое слово arche, которое, помимо основного своего смысла -"начало", значило еще и "начальство, власть" и даже область, страну, находящуюся под властью (под началом!) кого-либо. Было еще слово exusia, обозначающее "власть" в смысле возможности, способности что-либо совершить: "в твоей власти сделать это", - от слова exesti - "можно, позволено" (этимологически - "быть-из", видимо, сопоставимо с русским

"избыток, достаток", то есть - "довлеет, избыточествует тебе (сил или прав) сделать это", "мощно ти есть" - по-славянски). Было, наконец, по-гречески и слово kratos, означающее уже более привычную "власть" в смысле мощи, силы, держания в своих руках подвластного и произвольного распоряжения им. В латинском же языке, который лег в основу западной романо-германской культуры, который более тысячи лет был языком науки, философии, богословия и вообще высокой культуры, понятие о власти практически совсем теряет связь с греческим "архэ", в латыни от слова "начало", origo, происходит не "начальник", а "оригинал" на пару с "аборигеном". Слова же, обозначающие проявления власти, имеют иные этимологические корни, родственные греческим "ексусия" и особенно "кратос". "Начальник", magister происходит от magnus, "большой"; собственно "власть", potestas - от potis, potens, "мощный, сильный": параллельно по смыслу possum (то есть potis sum), "мочь, быть в состоянии". То же самое и на великом языке современного мира, на английском: authorities - "авторитет, полномочия", hold - "держание, владение", might - "могущество", power - "мощь, сила"", sway - "влияние".

Таким образом, в западной мыслительной традиции все внимание концентрируется на силовом моменте, определяющей и отправной точкой становится здесь субъект власти с его волей, мощью и произволом: sic volo, sic jubeo. Тот глубокий онтологический смысл, который просматривается хотя бы в греческом "архэ", совершенно утерян западной мыслью, и она этой потери чаще всего даже не сознает, будучи скована "юридизмом" и прагматизмом. Тема власти рассматривается через призму отношений господства и повиновения, с точки зрения политических технологий (уже с Макиавелли, Гоббса и т.д.), как возможность проводить в наличных условиях свою волю, вопреки сопротивлению, вне зависимости от того, на чем основана эта возможность (Вебер).

Власть анализируется в современной философии как "обобщенный посредник социальных отношений", как "состязание", как "договор", "сделка", "товар", анализируется на уровне своих "микроструктур" и "макроструктур", но чем больше слов говорится на эту тему, тем очевиднее для самих говорящих, что некая "тайна власти" остается при этом не только не разгаданной, но почти и не увиденной и не заде той. Эта "тайна власти" дает о себе знать в том, например, что власть при всей своей универсальности и тотальном всепроникновении остается анонимной, - вернее сказать, никак не удается обнаружить ее первое начало: тот субъект, который был принят Западом за основание и исток власти, который мыслился как хозяин ее, не может, как выясняется, иметь власть в своей собственности, скорее, это она его имеет в качестве самого первого своего раба.

Как выясняется, все многочисленные, порой весьма остроумные определения власти, существующие в современной западной философии, напоминают те определения, которые в известной притче слепые давали слону, в зависимости от того, за какое место они его потрогали: "столб", "шланг", "блин", "веревка"... Сама же власть - радикально иная, и она не сводится не только к какому-то одному из этих определений, но даже и к полной их сумме. Иначе говоря, "власть становится средоточием гуманитарного поиска, который фокусируется в главном морально-философском вопросе конца тысячелетия. Что есть власть: благо или зло? Важнейшее цивилизационное достижение или неизбывный инстинкт агрессивной человеческой природы?"[1]. Вот такой размах приобретает неспособность понять власть в ее онтологической определенности.

Ну, а что же мы имеем в русском языке и современной отечественное философии? Здесь, к сожалению, слишком сказывается забвение родных корней, выкорчеванных строителями светлого будущего с собачьим сердцем и куриными мозгами, и, как следствие - вынужденное западничество, в которое смешивается и упоение сладостью запретного некогда плода, и западные корни самой советской идеологии, и влияние глобального процесса вестернизации вообще. Как можно прочитать в уже цитированном нами словаре (имеющем в целом весьма высокий, надо отметить, уровень), "в русском языке - слово "власть" является однокоренным слову "владеть" (властитель, владыка, владычествовать), основание которого имеет значение "собственник", "хозяин". Этимология подчеркивает экономическое основание, определяющее другие уровни властвования"[2]. То есть, по мнению автора, ничего принципиально отличного от Запада в понимании власти русской мыслью нет: тот же собственник, хозяин, властитель является отправным пунктом в рассмотрении темы власти, и плюсом к тому, по его опять-таки мнению, этимология вскрывает еще элементы "материалистического понимания истории", то есть экономического детерминизма: субъект власти в качестве ее собственника и хозяина выступает как собственник экономический, как "экономическое основание, определяющее другие уровни властвования". В списке, приведенном в конце словаря, не указано, кто является автором статьи "Власть", и это очень удачно. Не боясь обидеть кого-то персонально, мы можем сказать, что приведенный пассаж прекрасно иллюстрирует общее нежелание отечественных исследователей (не каждого, но в подавляющем большинстве) вслушаться в родной язык. Но ведь философия, в отличие от науки и точно так же, как и поэзия, не может быть переводной. Вернее сказать, кроме переводов и еще до них должна быть собственная мысль, должно быть собственное поэтическое и философское слово, вырастающее из собственной почвы, из глубин собственного опыта первичной захваченности бытием, каковые глубины открывает нам язык. Тот самый наш родной язык, на котором мы хотим философствовать. Рассуждая на философские темы по-русски и обращаясь при

этом к мудрости другого языка, невозможно произвести что-либо кроме плагиата, тем худшего, что как раз родной язык всегда гораздо глубже способен открыть существо дела.

Во-первых, русский язык отчетливо хранит память о том, что власть есть онтологическое начало общества и одновременно - причастность некоему Началу: власть - это "начальствование", властвующий - это "начальник". Здесь указывается на то же самое, что и в греческом "архэ". Во-вторых, "власть" по-русски, конечно, происходит от слова "владеть", власть - это владение. Но что значит владеть? Вовсе не "экономическое основание" выговаривается в этом слове, этим словом доносится гораздо более глубокий, именно онтологически смысл. Что такое "владение словом", "владение предметом", "владение ситуацией", "владение собой" ("учитесь властвовать собою!")? Только бездумно воспроизводя западный экономико-юридический менталитет можно видеть во владении реализацию права собственности. Владеть - значит быть в ладах с чем-либо, быть в налаженном единстве с ним, вносить лад и обеспечивать лад во взаимосвязи сущего. Сущность и предназначение власти как раз и состоит в налаживании строя бытия, в возведении порядка сущего в стройный лад.

Западная культура видит свой идеал в гражданском обществе и правовом государстве, таким образом, она фактически в ранг идеального принципа общественного устройства возводит девиз: "Анархия - мать порядка". Именно an-archia - безначалие, лишенность того самого основополагающего «архэ», которое Запад забыл и утратил, составляет как глубинную суть западной демократии, так и ее "голубую мечту". Искомый "порядок" представляется здесь в виде стихийно складывающегося равновесия взаимодействующих атомарных и безначальных элементов, то есть в идеале вообще не должно быть власти. Этот идеал недостижим, но именно он существенно определяет западную общественную жизнь. Власти не должно быть, как высшей силы, стоящей над отдельными индивидами и институтами общества, власть должна быть лишь в смысле силы, принадлежащей самим этим индивидам и институтам, в качестве мощи, потенции, potestas, power. Как верно заметил Козьма Прутков, "два человека одинаковой комплекции дрались бы недолго, если бы сила одного превозмогла силу другого". К этой сентенции сводится вся мудрость западной политологии. Для Запада вожделенна власть как мощь и своеволие, власть же в ее сущностном смысле - непонятна и неприятна.

Конечно, в реальной жизни всегда приходится так или иначе иметь эту высшую власть, стоящую над членами гражданского общества, всегда приходится терпеть ее как необходимое зло. Она необходима для того, чтобы обеспечивать права граждан, то есть как раз для того, чтобы каждый имел максимально возможную в данных условиях свободу жить так, как если бы никакой власти вообще не было. Та мистифицированность власти, которую блестяще вскрывает Мишель Фуко в своей "Истории сексуальности", а именно то, что власть ускользает от определений и именований, ускользает от исследующего взгляда, сама просматривая всех и вся, то что она не дает себя схватить ни словом, ни взглядом, ни мыслью, сама неотступной хваткой держит всех и вся, - это является следствием того, что Запад сам не хочет видеть истину власти, он хочет видеть во власти то, что ему хочется. Не власть прячет свою сущность от западного человека, а он сам отворачивается от нее.

Пара "власть-подчинение" является для Запада противоречивым, противоборствующим единством взаимно отрицающих и взаимно обусловливающих начал, то есть диалектическим противоречием. Однако стоит послушать великий, могучий, правдивый и свободный русский язык, чтобы понять, что никакого противоречия и никакой диалектики тут нет. Если "власть" есть "вхождение в лад", то "подчинение" есть "подхождение по чин". Проще - по-русски - говоря: что в лоб, что по лбу. Осуществление власти, то есть существенная ее самореализация, происходит в акте подчинения, и аналогично - осуществление подчинения, то есть акт подчинения в истинном его существе, это и есть сама власть. Власть и подчинение в некоем высшем, онтологическом своем смысле - одно и то же. Существенная реализация истинной власти является, по сути, со-чин-ением некоторого порядка, и оно, как всякое сочинение, разворачивается как под-чин-ение себя этому порядку. С другой стороны, подчинение в своем истинном существе - это как раз и есть владение ситуацией, включение в ладный порядок сущего, а для начала - подчинение есть владение собой, самовластие, дающее возможность, собрав себя в целостное единство, подчинить это единство себя высшей власти. Важно еще раз подчеркнуть, что тождество власти и подчинения не является диалектическим, между ними нет спора и борьбы, они движутся в одном направлении, делая одно дело.

То, что тема власти по своему масштабу далеко выходит за рамки межчеловеческих отношений, то, что человеческое сообщество - это только один из контекстов реализации власти, было всегда ясно философски мыслящим людям. Фридрих Ницше, например, высказывает очень верную интуицию об универсальном и фундаментальном характере "воли к власти". Его ошибка заключается не в том, что он приписывает "волю к власти", кроме людей и животных, еще и растениям и даже неживой природе, а в том, как он понимает власть. В полном согласии со всей западной традицией, он мыслит власть как агрессию и экспансию, как господство и подавление, как способность подмять под себя то, с чем имеешь дело. Точнее будет сказать, как возможность ни с кем не иметь дела, не считаться ни с кем и ни с чем в осуществлении своей воли. "Воля к власти" на поверку оказывается у Ницше, как это выявляет Хайдеггер в своем глубоком анализе, "волей к воле", волей к утверждению и наращиванию своеволия: сама воля для

самой себя есть самоцель, воля в высшем своем пределе не имеет, не может иметь внешних целей, в чистом своем виде она желает только саму себя. Мысль Ницше, таким образом, есть наиболее фундаментальный приговор Западу, она, пожалуй, даже радикальнее обнажает тот абсурд, который со времен Камю стал общим местом западной культуры. Воля к власти, понимаемой как мощь, - Wille zur Macht - воля к своеволию и покорению сущего - это и судьба западной цивилизации и ее проклятие. Однако если бы западная мысль могла понять действительную сущность власти, как владения, как вступления в лад и возведения в лад всего сущего, то, возможно, как раз интуиция Ницше о всеобщей и универсальной воле к власти могла бы стать для Запада спасительным выходом из тупика.

Вещи мира и мировое целое существуют силою этой универсальной воли к ладности, слаженности, эта воля определяет собой то, как и куда они движутся. Как движется мир и внутримировое сущее? - В лад. Куда движутся они? - В лад. Власть в этом смысле есть один из фундаментальных принципов мироздания, и именно в этом смысле "нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены" (Рим. 13:1). Но вне человека этот принцип не может обрести совершенного раскрытия, там он реализуется на бессознательно-пассивном уровне. Человек же призван стать властителем, начальником мироздания в подлинном, глубоком значении этих слов. Он должен не через наращивание мощи и культивирование воли к мощи стремиться поставить мир на службу себе, а сознательно обеспечивать собою связь мироздания с его Первоначалом. Сущность власти, которую способен реализовывать только человек, состоит в возведении порядка бытия мира в полноту Богопричастия. Как пишет митрополит Пергамский Иоанн (Зизиулас), профессор ряда университетов Европы: "Именно потому, что человеческое существо органически связано с творением и в то же время имеет внутренний импульс к единению творения и к независимости от законов природы, он может действовать как "священник творения".

Кто такой священник?

Священник - это тот, кто берет в свои руки мир, чтобы отдать его Богу, и в ответ приносит Божье благословение на то, что он Богу отдает. Через этот акт творение вступает в общение с Самим Богом. В этом сущность священства, и только человек может совершать это - воссоединять мир в своих руках, чтобы принести его Богу, дабы мир, соединившись с Богом, смог обрести спасение и исполнение.

Человек как священник творения совершенно необходим самому творению, поскольку без этого отнесения творения к Богу весь тварный универсум погибнет. Он погибнет, поскольку, как теперь признают многие ученые, он конечен"[3].

Власть, как феномен человеческого бытия, в отличие от того, что мы называем "властью" в мире природном, основывается именно на священническом призвании человека. Ни масштаб, ни своеобразие проявления властных отношений в человеческом мире невозможно объяснить, исходя из чисто природных предпосылок. И когда мы говорим о "тайне власти", то понимать это надо не в смысле некоего сложного "ребуса", который наука если не завтра, так через какое-то время разгадает, а в смысле Таинства, в котором человек имеет приобщение к нетварным энергиям, которое именно поэтому бесконечно значимо для человека и как раз поэтому не может быть им до конца понято. Так понятая власть превращается из заманчивой и разрушительной привилегии в высокую и строгую ответственность. Так понятая власть становится для человека не убийственной игрушкой, и не "грязным делом", а онтологической самореализацией. Служа своему призванию, входя своим существом в Таинство этого служения, человек сбывается в качестве человека, обретает подлинное существо своей личности. Одним из центральных таких призваний и служений является ВЛАСТЬ.

---

[1]Власть: Современный философский словарь / Под ред. д.ф.н., проф. В.Е. Кемерова. - М., Бишкек, Екатеринбург, 1996. - С. 80.

[2] Там же. - С. 77.

[3] Metropolitan John of Pergamon. Man the Priest of Creation. A Response to the Ecological Problem. //Living Orthodoxy in the Modem World. - Edited by Andrew Walker and Costa Carras. London, 1996. - C. 182.

Д.В. Грязных, к.ф.н.
(ТЮИ МВД России)

О ПОНЯТИИ «ОНТОЛОГИЯ ПРАВА»

В последние годы в научной и учебной литературе, посвященной философии права, все чаще используется понятие «онтология права». И хотя оно входит в число ключевых категорий, интерпретация его значения далеко неоднозначна.

В западной философии можно выделить два пласта онтологических исследований, теоретические интенции которых находят отражение в современных концепциях философии права. Это «трансцендентальная онтология» (феноменология) Э. Гуссерля и «фундаментальная онтология» (экзистенциализм) М. Хайдеггера. Традиционно в философии под онтологией понимается предельно общее учение о бытии как